

60 лет
РАПН

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Идеи, концепции, методы

Серия
Российская политическая наука

Истоки и перспективы

Серия
Российская политическая наука
Истоки и перспективы

История российской политической науки

Научные редакторы Ю. С. Пивоваров, А. И. Соловьев

**История Российской ассоциации
политической науки**

Научные редакторы С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова

**Структурные трансформации и развитие
отечественных школ политологии**

Научный редактор О. В. Гаман-Голутвина

**Российская политическая наука
Идеи, концепции, методы**

Научный редактор Л. В. Сморгунов

**Политическая наука перед вызовами
глобального и регионального развития**

Научный редактор О. В. Гаман-Голутвина

Российская ассоциация политической науки (РАПН)

Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России

Серия

Российская политическая наука

Истоки и перспективы

Под общей редакцией
О. В. Гаман-Голутвиной

Редакционный совет

Председатели *д-р полит. наук, проф., академик РАН*
А. В. Торкунов,

д-р полит. наук, проф.
О. В. Гаман-Голутвина

Зам. председателя *д-р филос. наук, проф. А. В. Сморгунов*

Члены редсовета *д-р ист. наук, проф., академик РАН*
В. Г. Барановский,
д-р полит. наук, проф. А. Д. Воскресенский,
д-р полит. наук, проф. М. В. Ильин,
д-р полит. наук, проф. А. П. Клемешев,
д-р филос. наук, проф. О. Ю. Малинова,
д-р филос. наук, проф. А. Ю. Мельвиль,
д-р полит. наук, проф. А. И. Никитин,
канд. ист. наук, проф. С. В. Пагрушев,
д-р полит. наук, проф., академик РАН
Ю. С. Пивоваров,
д-р полит. наук, проф. О. В. Попова,
канд. юр. наук, проф. В. В. Смирнов,
д-р полит. наук, проф. А. И. Соловьев,
д-р биол. наук, д-р полит. наук, проф.
А. Ю. Сунгуров,
д-р полит. наук, проф. А. Н. Тимофеева,
д-р ист. наук, проф. Л. А. Фадеева,
д-р филос. наук, проф. Е. Б. Шестопал

Российская ассоциация политической науки (РАПН)

Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России

**Российская
политическая наука**
Идеи, концепции, методы

Серия

Российская политическая наука

Истоки и перспективы

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2015

УДК 327
ББК 66.4
Р76

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные Российской ассоциации политической науки в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 №11-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России

Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: Научное издание / Под ред. Л. В. Сморгунова. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015.— (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы». Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной). — 375 с.
ISBN 978-5-7567-0814-1

Монография посвящена раскрытию ряда тем и проблем, актуальных для современной политики и политической науки в России. В работе освещаются место и роль политической науки в реальной политике, проблемы хронополитики, соотношение политики множества и политики масс, политического в сетевом обществе и особенности исследования политического восприятия. В центре внимания авторов — трансформация государства и государственной власти в условиях современного глобального и регионального развития. Специальный раздел посвящен проблемам теории символической политики, роли символов, мифов и культурных факторов в политическом процессе, политической памяти, месте символической политики в деятельности политических партий. Анализируются мировоззренческие проблемы модернизации общества, институциональные модели организации власти в полиэтнических сообществах, кризис демократии, политическая экономия авторитарных режимов, особенности публичной политики в сетевых и региональных контекстах. Работа написана на материале российской и зарубежной политики.

Для специалистов в области политологии, других общественных и гуманитарных наук и всех, интересующихся актуальными проблемами современной политики.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-7567-0814-1

© РАПН, 2015
© МГИМО МИД России, 2015
© ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Сморгунов Л. В.)7

Раздел 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПОЛИТИКА: ПОГРАНИЧЬЕ ВЗАИМНОСТИ

- 1.1. Образы времени в обыденном языке и научном мышлении: геометрия темпоральности, волны памяти и сюжеты развития (Ильин М. В.) 13
- 1.2. Концептуальные основы изучения массовой политики (Патрушев С. В., Филиппова Л. Е.) 36
- 1.3. Трансформация политического в сетевом пространстве (Сморгунов Л. В.) 63
- 1.4. Методы исследования политического восприятия в российской политической психологии (Шестопал Е. Б.) 76

Раздел 2

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ

- 2.1. Национальное государство в условиях глобализации (Кочетков А. П.) 95
- 2.2. Государство XXI века: пределы эффективности (Шабров О. Ф.) 109
- 2.3. Государство как пространство принятия решений (Соловьев А. И.) 121
- 2.4. Конфликт публичных ценностей и политика административной культуры: истоки и перспективы преодоления (Комаровский В. С.) 141
- 2.5. Государственная политика и управление в сфере избирательного процесса как отрасль государственного управления (Гришин Н. В.) 155
- 2.6. Об исторической специфике русской власти (Пивоваров Ю. С.) 171

Раздел 3

РЕАЛЬНОСТЬ В РАКУРСЕ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

- 3.1. Символическая политика: осмысление предметного поля (Малинова О. Ю.) 182
- 3.2. Политическая культурология и антропология современной символической политики (Завершинский К. Ф.) 196

3.3. Символические партии как культурно-политический феномен: немецкий опыт в российской перспективе (Поцелуев С. П.)	208
3.4. Современный дискурс политики памяти (Русакова О. Ф., Русаков В. М.)	226

Раздел 4

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

4.1. Мировоззренческое кредо инновационной модернизации социума (Красин Ю. А.)	239
4.2. Массовая политика: эффект «эмпайэрмента» (Айвазова С. Г.)	254
4.3. «Кризис демократии» и «зависшие» демократизации (Мельвилль А. Ю.)	272
4.4. Институциональные модели организации власти в полиэтнических обществах: варианты, проблемы и решения (Панов П. В.)	289
4.5. К политической экономии автократических режимов: динамическая математическая модель (Ахременко А. С.)	307
4.6. Социальные сети как акторы современной российской публичной политики (Мирошниченко И. В., Морозова Е. В.)	324
4.7. Публичная политика в регионах России: концептуальные основания и инструментальные методы (Никовская Л. И., Якимец В. Н.)	345
Заключение (Сморгунов Л. В.)	371
Сведения об авторах	373

ВВЕДЕНИЕ

В начале 2013 г. РАПН по инициативе М. В. Ильина начала дискуссию о профессионализме в политике и политической науке. Дискуссия носит открытый характер и продолжается до сих пор. В ходе нее высказаны интересные замечания, суждения и оценки. Общий ход дискуссии говорит о том, что российская политическая наука приобрела уже некоторые основания для рефлексии не только о своем собственном уровне развития, но и о том, чем является политическая наука для практической политики. Все это свидетельствует о ее переходе из стадии становления в стадию взросления и ответственности. В определенном отношении проблема профессионализма и ответственности созвучна веберовской постановке и решению вопросов о политике как призвании и профессии. Для российской политической науки веберовские принципы являются аксиоматическими, что не отменяет, конечно, дальнейшего продумывания перспектив развития науки о политике после почти столетнего проекта политики Макса Вебера.

Современная российская политология не формирует особой школы или направления в мировой науке, однако ее современное состояние позволяет выделить некоторые заметные методологические и теоретические наработки, свидетельствующие о ее зрелости. Эта книга в серии работ о российской политической науке и задумывалась как определенный набор идей, концепций и методов, демонстрирующих сопоставительные возможности российских политологов при изучении довольно конкретных тем политического ландшафта России и мира. После освещения основных направлений и центров развития российской политической науки в предыдущем томе хотелось сконцентрироваться не на широких обобщениях и универсальных сюжетах, а показать особенности подхода российских ученых к тем актуальным тематическим проблемам, которые сегодня находятся в определенной мере в кругу интересов, связанных с динамикой и перспективами развития современной политики. Обобщая представленный авторами результат исследований, можно определить несколько заметных тенденций и черт российской политической науки сегодня.

4.3. «Кризис демократии» и «зависшие» демократизации

Введение

В 1975 г., 40 лет назад, был опубликован сразу же получивший известность доклад Трехсторонней комиссии «Кризис демократии», написанный М. Крозье, С. Хантингтоном, и Д. Ватануки¹. Авторы писали о дисфункции институтов государственного управления и растущей угрозе неуправляемости от «избытка» демократического участия в развитых странах Запада, о «перегрузке» демократии и ее «экспессах». С тех пор тема кризиса современной либеральной демократии и ее самых различных «болезней» вновь и вновь оказывается в фокусе идейных и политических дискуссий, особенно после разочарований от несбывшихся иллюзий и надежд на глобальное торжество «третьей волны демократизации», провозглашенной тем же С. Хантингтоном в самом начале 1990-х годов.

Юбилейный номер существующего уже 25 лет *Journal of Democracy* устами своего главного редактора задает вопрос: «Демократия в упадке?»². Известная американская организация «Freedom House» в своем ежегодном докладе за 2015 г. прямо утверждает: «Демократия находится в обороне в Европе и Евразии»³. Российский Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ) в приуроченном к 40-летию упомянутого доклада Трехсторонней комиссии сборнике статей российских и зарубежных авторов «Демократии XXI века: смена парадигмы» пишет о растущем списке «несовершенств», «перегибов» и «парадоксов» демократии, предупреждая против ее «сакрализации»⁴. Примеры такого рода, причем, обосновываемые с очень различных, подчас диаметрально противоположных идейных и политических позиций, можно приводить сколь угодно много...

Действительно, демократию сегодня часто и много критикуют. Впрочем, как и всегда — по крайней мере, со времен Платона, Аристотеля и Полибия и до А. Токвиля и М. Вебера множатся аргументы о всевозможных изъянах демократического правления и «кризисе демократии». Но как таковой кризис — это естественное состояние демократии. Демократия всегда живет и развивается через преодоление своих кризисов — политических, идейных, ценностных, институциональных и др. Не стоит поэтому думать, что и обильно раздающиеся сегодня обвинения демократии в самых разных «изъянах» и «грехах» — что-то

экстраординарное. Другое дело, что нужно разобраться в их реальных мотивах и используемых аргументах. Без этого непонятыми останутся и реальные — и очень разные (*NB!*) — интересы всех тех, кто сегодня говорит о «кризисе демократии», о ее «дефиците» или «излишестве», критикует ее недостатки ради их исправления или же, напротив, стремится к ее девальвации как ценности и практики.

Критика и самокритика демократии

В самом деле, за последние десятилетия либеральная демократия в качестве нормативной идеи и реальных практик была и остается объектом как мучительной внутренней «самокритики» с целью преодоления свойственных ее развитию кризисов, так и все более интенсивной и зачастую уточненной «внешней» критики с целью ее ценностного «размывания» и подмены разнообразными субститутами. Достаточно эффективное приспособление современных автократий к идейному и институциональному контексту после подъема «третьей» волны (и даже «четвертой» и «пятой» волн — если говорить о посткоммунистических и постсоветских трансформациях, разнородных «оранжевых революциях» и неоднозначных событиях «арабской весны») демократизации, выявившаяся относительная устойчивость недемократических политических порядков в современном мире — все это становится еще одним мощным фактором, используемым для дискредитации как реально существующих демократий, так и трудных и далеко не всегда успешных попыток строительства новых демократических институтов и практик.

Подчеркнем еще раз, что *критическая саморефлексия* — это характерное свойство демократической делиберации как таковой. Да и сами авторы упомянутого выше доклада «Кризис демократии» (1975) вовсе не были противниками либеральной демократии — напротив, они как раз самокритично фиксировали ее проблемы и предлагали те или иные рецепты их решения (насколько эффективные — другой вопрос). И в этом они были не одиноки. В том же 1975 г. Ю. Хабермас с тревогой пишет о кризисе легитимности институтов современной демократии⁵. С конца 1990-х годов многие авторитетные исследования вскрывают все новые проблемы, каждая из которых может свидетельствовать о том или ином «кризисе демократии». Б. Манен, например, предупреждает о кризисе институтов демократического представительства и об угрозе их перерождения в «аудиторную демократию»⁶. К. Крауч вводит в оборот концепт «пост-демократии»⁷, указывая на разрыв между формаль-

ными демократическими институтами, которые все хуже воплощают волю масс, и реальной властью олигархических элит. Даже корифей транзитологии А. Пшеворский предупреждает о реальных пределах демократического самоуправления⁸. Л. Морлино поднимает одну из ключевых проблем в современных дискуссиях о демократии и демократизации: каков, условно говоря, демократический «инвариант» для всех существующих сегодня различных моделей реальной, но не имитационной демократии, и как постепенно достичь все более высоких уровней в ходе роста демократических «качеств»⁹.

В общем и целом, диагноз этого авторитетного «консилиума» вряд ли может вызывать сомнения: современная либеральная демократия стоит перед чередой очень серьезных вызовов, если угодно — «кризисов», через преодоление которых только и возможно ее развитие и совершенствование¹⁰. Это, если обобщить, такие ее нынешние проблемы, как кризис эффективности демократических институтов, кризис демократических авторитетов и легитимности, кризис демократического представительства, кризис партий и партийных систем, кризис коммуникации групп и интересов и, конечно, кризис, вызванный «зависшими» и неудавшимися демократизациями и устойчивостью старых и появлением новых альтернативных — недемократических и относительно успешных — моделей политических и экономических порядков (характерные примеры — Китай, Казахстан, но не только).

Но наряду с этой внутренней и вполне конструктивной «самокритикой» современной демократии в последнее время получает все большее распространение также ее новая критика «извне», т.е. с совсем иных политических и идеологических позиций. Особенно в этом отношении выделяется набор аргументов, оправдывающих интересы старых и новых номенклатурных «победителей» и обосновывающих «зависшие» посткоммунистические трансформации, а также и попятные движения к старым и новым автократиям. Среди таких подходов, лишь внешне и отчасти повторяющих мотивы демократической «самокритики», но фактически требующих не их преодоления в рамках развития собственно демократических идей и практик, а напротив — фактически дисквалификации либеральной демократии как таковой, выделяются следующие:

«Релятивизация» демократии и размывание ее «инварианта». Это едва ли не самая распространенная модель критической аргументации, в соответствии с которой основной упор сделан на тезис о существовании специфически очень разных — и практически несравнимых друг с другом — моделей «демократического устройства», обусловленных

историческими, национальными, социально-политическими и экономическими обстоятельствами, стечение которых объясняет появление демократий «с прилагательными» («народно-демократическая», «суверенная», «нелиберальная», «управляемая» и пр.). «Электоральная» демократия здесь практически растворяется в «электоральном авторитаризме». В этом случае вопрос о демократическом «инварианте» (реальная политическая конкуренция, подотчетность и сменяемость власти, независимость ветвей власти, свобода информации и объединений и др.) фактически снимается или уходит на второй план.

«Незападные» демократии. Еще одна мощная группа аргументов, в основе которых противопоставление, с одной стороны, индивидуалистических и «конфликтных» («Запад»), а с другой — коллективистских и «консенсусных» («Восток») социально-политических порядков, причем и те, и другие трактуются как принципиально различные модели, но — обе по-своему «демократические». Понятно, что здесь критически важный вопрос о демократическом «инварианте» (см. выше) просто не стоит.

Искушение «авторитарной модернизации». Действительно, это очень сильное политическое и интеллектуальное искушение думать, что демократизация может прийти после успешной социально-экономической модернизации, спускаемой и навязываемой «сверху», тем более что примеры, в частности из Юго-Восточной Азии, это, казалось бы, подтверждают. Но на самом деле это драматические примеры индустриальных прорывов из доиндустриальной эпохи, которая, по крайней мере в европейском мире, была преодолена намного раньше. Современный постиндустриальный мир требует для своего развития совсем другого — раскрепощения творческих инициатив «снизу», что невозможно в условиях автократий. Отсюда — и объективные ограничения потенциала авторитарной модернизации «сверху», практически неприемлемого сценария для современного экономического и социального развития. Смысл продвижения этого сценария в тех или иных формах сегодня преимущественно лишь в дополнительных политических и идеологических аргументах против вектора демократизации.

«Цивилизационная исключительность». Как правило, эта линия аргументации связана и дополняет тезис о «незападных демократиях»: мы — «другие», «особые», «не такие, как все». Поэтому и демократия у нас «особая», к ней неприменимы общие правила и критерии. И, в частности, как следствие — вообще неправильно, да и нет возможности сравнивать и ранжировать специфические национальные демократии по каким-либо общим параметрам.

«*Rally 'Round the Flag*». Фактически этот популярный тезис о «единении под флагом» снимает демократию и демократизацию с повестки дня: в ситуации обострившихся внешних и внутренних угроз главный приоритет заключается в общественной и политической консолидации ради сохранения и поддержания суверенитета и независимости. Эта широко распространенная в мире аргументация может проблематизировать национальное демократическое развитие, если она используется в ситуации не реальных, а вымышленных угроз для национального существования. Призывы к консолидации могут быть использованы как аргумент против демократических институтов и процедур.

«*Государство превыше всего*». В теоретическом и практическом планах это, вероятно, один из самых сильных аргументов, который может быть обращен против приоритета демократии и демократизации. Общепринятым в науке и практике является положение о том, что «без государства нет демократии». Однако следствия из него могут быть разными. Ключевых вопросов здесь два: во-первых, есть ли (и какова) при становлении новых демократий последовательность в строительстве эффективных институтов государственного управления и демократических институтов и практик (так называемая проблема «*Sequencing*»), и во-вторых, есть ли (и каковы) параметры и критерии «сильного» государства как предполагаемого условия демократического правления?

Как говорилось выше, за этой критикой либеральной демократии стоят разноплановые факторы. Это и четко проявившаяся приспособляемость современных автократий к новому внутреннему и международному контексту, в том числе вполне умелое использование демократических по форме институтов (партии, выборы, легислатуры) для стабилизации и продления авторитарного правления. И стремление обосновать и оправдать «зависшие» и обратившиеся вспять попытки демократизации «третьей волны». Но также сложные проблемы и непростые дилеммы, перед которыми стоят современные реальные демократии. Понятно, что их много, но можно выделить, как минимум, четыре ключевые проблемы, которые интенсивно обсуждаются в современной литературе:

Во-первых, *взаимосвязь демократии и модернизации*, в том числе экономического развития. По этой уже классической для политической науки проблеме существует множество эмпирических и теоретических дискуссий, в рамках которых, в частности, предлагаются и обосновываются разные аргументы в отношении причинных связей между экономическим ростом и режимными характеристиками (например, тезис о том, что автократии в определенных случаях могут обеспечить

экономический рост). Тем не менее современные эмпирические исследования показывают, что *ceteris paribus* в демократиях экономические показатели выше, чем в диктатурах¹¹. Это же относится к снижению остроты социальных конфликтов, повышению качества жизни и развитию человеческого капитала — демократии здесь лидируют. Вместе с тем относительно проблемы неравенства в демократиях и других режимах ясности меньше.

Во-вторых, *последовательность реформ* и преобразований в ходе демократизации (проблема «*Sequencing*»). Является ли создание «сильного» государства предпосылкой и предварительным условием для последующего строительства демократических институтов или оба процесса могут идти параллельно? И что делает государство «сильным» — силовой потенциал или качественные институты, позволяющие успешно выполнять основные функции современного социального государства? По этим вопросам в литературе нет единства, дискуссии продолжаются¹².

В-третьих, *условия и пределы демократизации*. Это по-прежнему один из наиболее спорных теоретических и практических вопросов. Традиционно, по крайней мере с конца 1950-х годов, считалось (С. Липсет, Б. Мур, Г. Алмонд и С. Верба и др.), что демократия произрастает только из определенного набора структурных предпосылок — уровни экономического развития, появление класса буржуа, распространение политической культуры «гражданского» типа и др. С подъемом «третьей» волны демократизации получил распространение иной подход, в соответствии с которым демократию можно не «выращивать», а успешно «строить» в соответствии с определенным институциональным дизайном (Г. О'Доннелл, Ф. Шмиттер, А. Пшеворский и др.). Сравнительные исследования последнего времени на широком эмпирическом материале и с использованием современных статистических методов свидетельствуют скорее в пользу второго подхода — стратегические решения политических акторов могут способствовать созданию демократических институтов даже в неблагоприятных условиях, но, как показывает практика, не всегда и не везде¹³.

Какие же обстоятельства в таком случае создают непреодолимые препятствия для демократизации? На этот счет тоже нет единства, но в литературе выделяют, в частности, ситуации острых этнических, религиозных и иных расколов, гражданских войн и «несостоятельных государств», нищеты большинства населения, «ресурсной иглы», революционных режимов, однопартийных режимов в ситуации экономического роста и др.¹⁴. При этом решающим фактором, способствующим

щим или препятствующим продвижению к демократии, выступают все же стратегические решения ключевых политических акторов.

В-четвертых, соотношение и *взаимосвязь между демократией (и другими политическими режимами) и качеством институтов*, прежде всего — институтов государственного управления¹⁵. В последнее время эта проблематика вышла на передний план сравнительных исследований. Имеющиеся научные результаты позволяют говорить о четко выявленной зависимости между демократиями и высоким качеством институтов (верховенство закона, контроль над коррупцией, соблюдение прав собственности и контрактов, эффективное регулирование и др.)¹⁶. Вместе с тем сохраняются серьезные разногласия в отношении качества институтов в автократиях. Некоторые эмпирические исследования свидетельствуют в пользу аргумента о так называемом *J-curve* (самое высокое качество институтов достигается в развитых демократиях, но и в автократиях типа Сингапура эти уровни относительно высоки — по крайней мере, намного выше, чем в переходных и гибридных режимах)¹⁷. С другой стороны, наши собственные исследования свидетельствуют об обратном, по крайней мере на постсоветской выборке: постсоветские автократии не обладают качественными институтами государственного управления¹⁸.

Возникает вопрос: почему это так? В поисках ответа мы далее (а) проверяем наши выводы, полученные ранее на постсоветской выборке, на выборке всех посткоммунистических (или «экс»-коммунистических) стран, (б) используем предложенную нами в предшествующих работах аналитическую модель «Царя горы» для объяснения, почему постсоветскому автократу не нужны хорошие институты, и (в) предлагаем сценарии, наиболее выгодные с точки зрения его рационального выбора, возможных стратегических решений в отношении сохранения *«status quo»* или частичных реформ, направленных на улучшение качества институтов государственного управления.

При этом, имея в виду поставленный выше вопрос о «зависших» демократизациях, мы учитываем выводы целого ряда современных исследований о том, что едва ли не главная причина демократических «откатов» последнего времени заключается как раз в слабом качестве управленческих институтов, в *«Bad Governance»*¹⁹.

Качество институтов в «зависших» демократизациях

В нашем эмпирическом исследовании взаимосвязи качества институтов и уровней демократии-автократии в посткоммунистических стра-

нах мы опираемся на данные *«World Governance Indicators»* (проект Всемирного банка) и *«Freedom House»* (в обоих случаях — за 2014 г.). Данные и методологии обоих проектов подвергаются разного рода критике, в том числе справедливой, однако в настоящее время это наиболее распространенные в научной и аналитической литературе индексы, и в данном случае мы считаем оправданным их использование в аналитических целях. Из шести индексов *WGI* мы используем пять, в наибольшей степени отражающих качество институтов государственного управления — Политическая стабильность и отсутствие насилия; Эффективность и качество государственного управления; Качество государственной поддержки развития частного сектора; Верховенство права и закона и Контроль над коррупцией. Шестой индекс — Свобода слова и подотчетность властей — в значительной мере пересекается с индексами Политических прав и Гражданских свобод *FH* и поэтому исключается из анализа, чтобы по возможности избежать проблемы эндогенности.

Заметим, что индексы *WGI* в значительной мере воплощают и основываются на нормативном идеале «хорошего управления» (*Good governance*), предложенного Всемирным банком в качестве общей цели и критерия оценки институционального состояния и динамики, прежде всего в развивающихся странах. Однако уже с начала 2000-х годов в академическом и экспертном сообществах растет скептицизм в отношении универсальности и практической достижимости институционального качества *«Good governance»* в странах догоняющего развития. В этой связи предлагается концепция *«Good enough governance»* в качестве более реалистичного институционального ориентира для развивающихся стран²⁰. Мы ниже рассмотрим этот вопрос более подробно.

Приведенная на рис. 1 диаграмма рассеяния на посткоммунистической выборке убедительно демонстрирует прямую линейную (а вовсе не типа *J-curve*) зависимость между уровнями демократии и качеством институтов²¹. «Свободные» (по классификации *FH*) страны являются лидерами институционального качества; «несвободные» обладают институтами наихудшего качества (*Bad governance*), а «частично свободные» («гибридные режимы») располагаются, условно говоря, посередине.

Заметим при этом, что в соответствии с предложенной выше схемой «несвободные» страны (и в определенной мере «частично свободные») — это как раз те, которые по тем или иным причинам либо «зависли» в процессах демократизации, либо пошли по попятным траекториям («назад к автократии» — старого или нового «мимикрирующего» типа), либо фактически так и не приступали к реальной демократизации. Чем это можно объяснить?

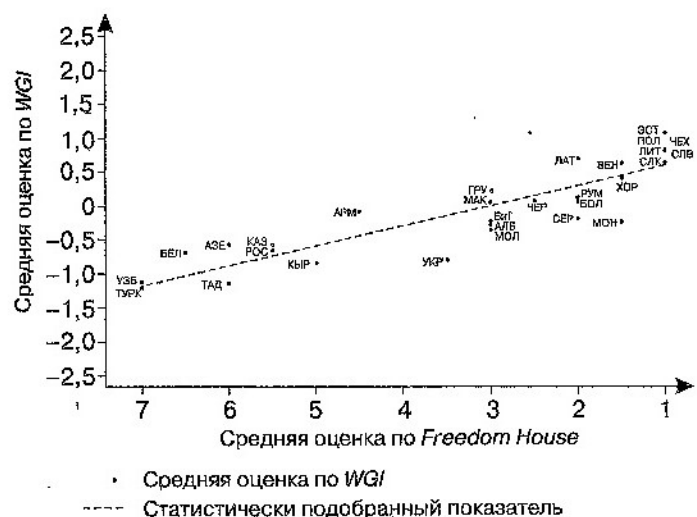

Рис. 1. Диаграмма рассеяния: качество институтов (WGI) и уровни демократии-автократии (FH)

Сокращения: АЗЕ — Азербайджан, АЛБ — Албания, АРМ — Армения, БЕЛ — Белоруссия, БиГ — Босния и Герцеговина, БОЛ — Болгария, ВЕН — Венгрия, ГРУ — Грузия, КАЗ — Казахстан, КЫР — Кыргызстан, ЛАТ — Латвия, ЛИТ — Литва, МАК — Македония, МОЛ — Молдова, МОН — Монголия, ПОЛ — Польша, РОС — Россия, РУМ — Румыния, СЕР — Сербия, СЛВ — Словения, СЛК — Словакия, ТАД — Таджикистан, ТУРК — Туркменистан, УЗБ — Узбекистан, УКР — Украина, ХОР — Хорватия, ЧЕР — Черногория, ЧЕХ — Чехия, ЭСТ — Эстония

Как представляется, именно особенности институциональных трансформаций и стоящие за ними реальные интересы являются здесь очень важным фактором. Конечно, как уже отмечалось выше, скорее всего, существуют и своего рода «заградительные барьеры», препятствующие демократизации (предельно низкие уровни социально-экономического развития, крайне острые этнополитические, религиозные и иные расколы вплоть до гражданских войн, «ресурсное проклятие» и др.). И тем не менее именно обращение к анализу институтов и интересов, объективно препятствующих демократизации, позволяет лучше понять особенности траекторий трансформаций целой группы стран, находящихся в фокусе нашего внимания.

Для объяснения низкого качества институтов и в целом ситуации «Bad governance» в посткоммунистических автократиях мы предлагаем

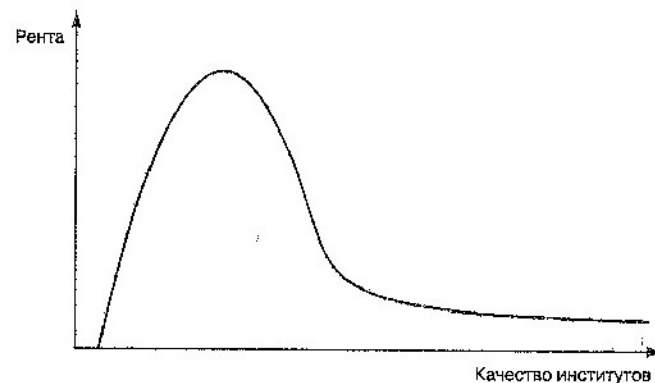

Рис. 2. Модель «Царя горы»: экономическая и политическая рента vs качество институтов

модель «Царя горы» (рис. 2)²², которая демонстрирует обратную зависимость между качеством институтов и извлечением экономической и политической ренты.

В свое время Дж. Хеллман обратил внимание на особую угрозу для демократизации, которая заключается в позиции «ранних победителей», т.е. тех представителей старой и новой номенклатуры, которые смогли воспользоваться благами приватизации и получили доступ к экономической ренте. В соответствии с так называемой «кривой Хеллмана» у них просто нет мотивов и интересов для продолжения реформ, поскольку их вполне устраивает сложившийся «status quo»²³. Модель «Царя горы» развивает эту логику, вводя в рассмотрение не только экономическую, но и политическую ренту. Участие в политической ренте становится обязательным условием для извлечения ренты экономической. При этом доминирующие акторы не заинтересованы в улучшении качества институтов, поскольку это может вести к подрыву их политической и экономической монополии.

Вместе с тем ситуация авторитарного равновесия, казалось бы, достигнутая в рамках модели «Царя горы», не является устойчивой — ей могут угрожать самые разнообразные внутренние (по отношению к режиму) и внешние факторы. Поскольку извлечение ренты составляет основу данного равновесия, очевидной угрозой является эрозия ресурсов, прежде всего снижение мировых цен на нефть и газ. В результате может произойти радикальное сокращение ресурсов, используемых

для перераспределения в целях покупки лояльности ключевых элитных групп и населения в целом. В свою очередь такой сценарий может повлечь за собой поворот к более репрессивной политике и поиску иных (неэкономических) способов режимной легитимации в расчете на сохранение «*status quo*». Другой важный фактор потенциальной неустойчивости связан с общей и фундаментальной проблемой авторитарного правления — неопределенностью во взаимоотношениях доминирующих акторов с различными элитными группами внутри самого режима, угрозой их неояльности и участия в конкуренции за власть, вплоть до переворотов. Как свидетельствует современная история, массовый протест, вызванный разными причинами (от реакции на манипулирование выборами до недовольства экономическим положением), тоже может приводить к крушению автократии. Наконец, общее ухудшение экономической ситуации в свою очередь может побудить ключевых игроков к неизбежному поиску альтернативных стратегий — от усиления жесткости режима до кооптации представителей оппозиционных групп и перехода к частичным реформам²⁴.

Каков же диапазон возможных альтернативных решений в ситуации угроз для авторитарного равновесия, основанного на монополии экономической и политической ренты и институтах низкого качества, и каковы их вероятные последствия?

Варианты стратегий

Рассматривая теоретически возможные альтернативные стратегии в рамках модели «Царя горы» и их вероятные результаты (рис. 3), мы, в частности, стремимся определить наиболее оптимальные решения исходя из позиции рационального выбора доминантного актора. С точки зрения методологии отправным пунктом здесь являются варианты его взаимодействия с различными группами внутри режима («консерваторы»/«реформаторы») и в оппозиции («радикалы»/«умеренные»). Эти группы основных «игроков» были выделены еще А. Пшеворским в его ставшей классической работе «Демократия и рынок»²⁵, которая в данном отношении развивает линию аргументации Г. О’Доннелла и Ф. Шмиттера²⁶. С этой точки зрения исходы «игр демократизаторов» зависят от соотношения сил между указанными группами и принимаемыми ими стратегическими решениями²⁷.

В предлагаемой нами игровой модели исследовательский фокус иной — не возможные действия «демократизаторов» в условиях разных соотношений сил между «игроками», а варианты наиболее оптималь-

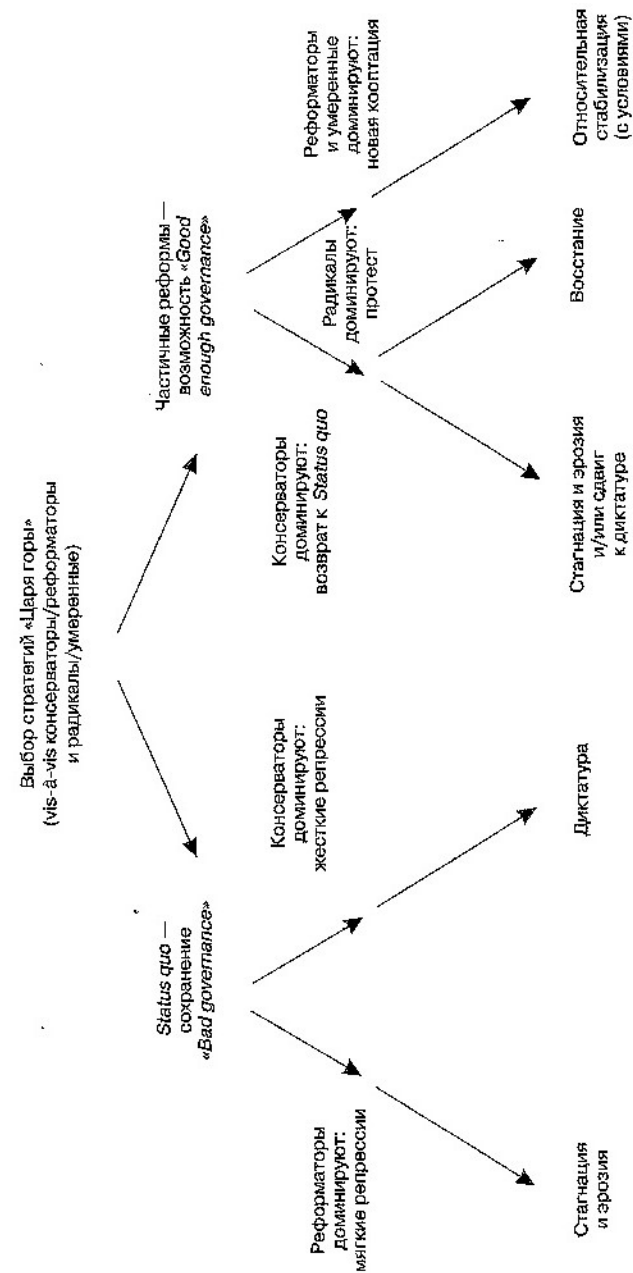

Рис. 3. Выбор стратегий «Царя горы» и их возможные последствия

ных решений доминантного актора и их последствия, с точки зрения целей обеспечения стабильности режима и его долговременной устойчивости.

Принципиальных решений здесь два — либо (а) попытки сохранения авторитарного равновесия, основанного на экономической и политической ренде и «плохих» институтах, либо (б) переход к частичным реформам ради улучшения качества институтов, которые в тенденции могли бы привести к «*Good enough governance*». Эти частичные реформы даже не обязательно предполагают политическую либерализацию и демократизацию, поскольку их цель состоит в нахождении новых ресурсов и инструментов для сохранения авторитарного равновесия в ситуации внешних и внутренних угроз. Парадокс в том, что ради сохранения стабильности режима оптимальным решением может стать частичное улучшение качества институтов, что в тенденции увеличивает неопределенность и конкуренцию.

Первый стратегический выбор в пользу неизменности «*status quo*» получит безоговорочную поддержку «консерваторов» и будет встречен с сомнениями и даже возможными опасениями со стороны «реформаторов». «Умеренные» и «радикалы», естественно, останутся в оппозиции. Последствия такой стратегии при условии в целом слабой оппозиции будут преимущественно зависеть от баланса сил между «консерваторами» и «реформаторами». При доминировании «реформаторов», даже если частичные реформы отменены из-за выбора стратегии «*status quo*», это приведет к продолжению «мягких» репрессий и «*Bad governance*», в конечном счете ведущему к стагнации и эрозии режима по «советскому образцу».

Преимущество режимных «консерваторов» и выбор доминантного актора в пользу «жестких» шагов может привести к установлению диктатуры, что является достаточно «дорогим» решением с точки зрения внешней и внутренней легитимности режима, даже не говоря о его социально-экономической эффективности. К тому же, в логике этого сценария, нельзя исключать возможность появления более «жесткого» альтернативного претендента на лидерство — своего рода идеологического «пуриста», что не в интересах ключевых игроков.

Второе теоретически возможное стратегическое решение ключевых игроков может, напротив, предполагать частичные реформы и улучшение качества институтов ради сохранения основ режима. Последствия такого решения в соответствии с предложенной игровой моделью будут также во многом зависеть от баланса сил внутри режима и в оппозиции. В ситуации доминирования режимных «консерваторов» и блокирования ими даже частичных реформ результа-

том скорее всего станет возврат к стратегии «*status quo*», что, как было показано выше, приводит либо к стагнации и эрозии режима, либо к установлению диктатуры.

В случае маловероятного, но в принципе все же возможного прерывания «радикалов» в оппозиции как над «умеренными», так и над «консерваторами» и «реформаторами», исходом станет массовый протест, способный привести к восстанию. Такой вариант, особенно в случае применения насилия, является, как свидетельствует история, наихудшим с точки зрения перспектив демократизации. В то же время ненасильственный протест, ведущий к массовой мобилизации, способен привести к смене режима²⁸, что по определению недопустимо с точки зрения доминантных игроков.

Наконец, если преимущество на стороне режимных «реформаторов» и оппозиционных «умеренных», и они получают поддержку со стороны ключевого актора, могут появиться совсем новые политические возможности. Они могут привести к кооптации новых лидеров и групп, находящихся вне режима, и к частичным реформам, направленным на улучшение качества институтов государственного управления, обеспечение верховенства закона, реального разделения и подотчетности властей, ограничение коррупции, соблюдение прав собственности и др. Такая траектория может способствовать продвижению к «*Good enough governance*» — и, как ни парадоксально, одновременно к относительной стабилизации режима. Конечно, подобное стратегическое решение потребует от принимающих решения лиц незаурядных усилий по нахождению баланса между осуществляемыми институциональными реформами и обеспечением стабильности, так чтобы они не привели к подрыву автократической власти. Тем не менее с точки зрения рационального выбора именно этот путь представляется оптимальным — с учетом описанных выше угроз для политического равновесия.

Понятно, что такой сценарий может показаться отнюдь не идеальным для игроков, стремящихся к политической и экономической монополии. И даже в неблагоприятных экономических и иных условиях у него может быть искушение не идти на реформы и пользоваться рендой, пусть даже сокращающейся, при сохранении институтов плохого качества. Однако цена таких решений может оказаться чрезмерной как для доминантных игроков, так и для режима.

Заключение

Итак, мы рассмотрели основные аспекты проблемы так называемого «кризиса демократии», в том числе в контексте «зависших» де-

мократизаций «третьей волны» и попятных трансформаций в направлении авторитаризма. Как таковые, кризисы разного рода являются естественным состоянием демократии, а их преодоление — органическим способом демократического развития. «Самокритика» демократии как раз и нацелена на выявление проблемных и кризисных моментов и поиск их разрешения. Совсем другие мотивы и интересы стоят за разнообразными вариантами критики самой демократии как ценностной нормы и реальной практики. В частности, это попытки оправдать и «зависшие» демократизации, и появившиеся новые автократии.

Проведенный эмпирический анализ показывает, что по крайней мере на выборке посткоммунистических стран не подтверждается достаточно популярный в современной литературе аргумент *J-кривой* («хорошие» институты в авторитарных режимах). Причины отсутствия институтов государственного управления хотя бы относительно высокого качества в посткоммунистических автократиях были объяснены нами с использованием модели «Царя горы», в соответствии с которой у режима, основанного на монопольном доступе к политической и экономической ренте, нет мотивов и интересов для улучшения институтов. Вместе с тем предложенный нами анализ вариантов его стратегических решений приводит к выводу о том, что с точки зрения рационального выбора наиболее оптимальный вариант для относительной стабилизации режима в ситуации усиления внешних и внутренних угроз и эрозии его ресурсной базы заключается как раз в частичных реформах, нацеленных на улучшение качества институтов. В дальнейшем мы предполагаем расширить выборку анализируемых стран и провести сравнительное эмпирическое исследование эффективности различных реальных стратегий авторитарных правителей в условиях ухудшающейся экономической конъюнктуры.

Примечания

¹ *Crozier M., Huntington Samuel P., Watanuki J.* The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. N.Y.: New York University Press, 1975.

² *Plattner M.* Is Democracy in Decline? // *Journal of Democracy*. 2015. No 26 (1). P. 5.

³ URL: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/nations-transit-2015#.VZlzzmwVj3g>.

⁴ Демократии XXI века: смена парадигмы. М.: ИСЭПИ, 2015. С. 6–7.

⁵ *Habermas J.* Legitimation Crisis. Boston: Beacon Press, 1975.

⁶ *Manin B.* The Principles of Representative Government. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

⁷ *Crouch C.* Post-Democracy. Cambridge: Polity Press, 2004.

⁸ *Przeworski A.* Democracy and the Limits of Self-Government. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

⁹ *Morlino L.* Changes for Democracy: Actors, Structures, Processes. Oxford: Oxford University Press, 2012.

¹⁰ *Merkel W.* Is There a Crisis of Democracy? Can We Answer the Question? // Paper for delivery at the 2013 Annual Meeting of the APSA. 2013. August 29 — September 1.

¹¹ *Przeworski A., Alvarez M. E., Cheibub J., and Limongi F.* Democracy and Development. N.Y.: Cambridge University Press, 2000; *Epstein D. L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., and O'Halloran S.* Democratic Transitions // *American Journal of Political Science*. 2006. No 50 (3); *Acemoglu D., Naidu S., Restrepo P., and Robinson J. A.* Democracy Does Cause Growth // NBER Working Paper 20004. March 2014. URL: <http://www.nber.org/papers/w20004>; *Acemoglu D., Naidu S., Restrepo P., and Robinson J. A.* Democracy, Redistribution and Inequality // NBER Working Paper 19746. December 2013. URL: <http://www.nber.org/papers/w19746>; *Gerring J., Bond Ph., Barndt W. T., and Moore C.* Democracy and Economic Growth. A Historical Perspective // *World Politics*. 2005. No 57. P. 323–364; *Gerring J., Thacker S. C., and Alfaro R.* Democracy and Human Development // *The Journal of Politics*. 2012. No 74 (1); *Barro R. J.* Determinants of Democracy // *The Journal of Political Economy*. 1999. No 107 (6).

¹² *Mansfield E., and Snyder Jack J.* The Sequencing “Fallacy” // *Journal of Democracy*. 2007. No 18 (3); *Carothers T.* Misunderstanding Gradualism // *Journal of Democracy*. 2007. No 18 (3); *Moller J., Skaaning S.-E.* Stateness First? // *Democratization*. 2011. No 18 (1); *Fortin J.* Is There a Necessary Condition for Democracy? The Role of State Capacity in Post-Communist Countries // *Comparative Political Studies*. 2011. No 45 (7); *Back H., Hadenius A.* Democracy and State Capacity: Explaining a J-Shaped Relationship // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2008. No 21 (1); *Carbone G., Memoli V.* Does Democracy Foster State Consolidation? // A Panel Analysis of the “Backwards Hypothesis”. 2012. URL: http://www.sociol.unimi.it/papers/2012-04-19_G.%20Carbone%20e%20V.%20Memoli.pdf; *Democracy in a Russian Mirror* / Ed. by A. Przeworski. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

¹³ *Hadenius A., Teorell J.* Pathways From Authoritarianism // *Journal of Democracy*. 2007. No 18 (1); *Teorell J., Gadenius A.* Determinants of Democratization: Taking Stock of the Large-N Evidence // *Dirk Berg-Schlusser* (ed.), *Democratization. The State of the Art*. Opladen and Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers, 2007; *Teorell J.* Determinants of Democratization: Explaining Regime Change in the World, 1972–2006. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

¹⁴ Исследований на этот счет множество; из последних значимых выводов см., напр.: *Levitsky S., Way L.* The Myth of Democratic Recession // *Journal of Democracy*. 2015. No 26 (1).

¹⁵ *Diamond L.* Facing Up to the Democratic Recession // *Journal of Democracy*. 2015. No 26 (1). P. 148.

¹⁶ Charron N., Lapuente V. Does Democracy Produce Quality of Government? // European Journal of Political Research. No 49; Croissant A., Wurster Stefan. Performance and Persistence of Autocracies in Comparison: Introducing Issues and Perspectives // Contemporary Politics. 2013. No 19 (1).

¹⁷ Back H., Hadenius A. Democracy and State Capacity: Explaining a J-Shaped Relationship // Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions. 2008. No 21 (1).

¹⁸ Мельвилль А., Стукал Д., Мироных М. «Царь горы», или Почему в посткоммунистических автократиях плохие институты // Полис. 2013. № 2; Melville A., Stukal D., Mironyuk M. "King of the Mountain", or Why Postcommunist Autocracies Have Bad Institutions" // Russian Politics and Law. 2014. No 53 (2); Melville A., Mironyuk M. "Bad Enough Governance": State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies // Post-Soviet Affairs. (published online 19 June 2015).

¹⁹ Fukuyama F. Why is Democracy Performing So Poorly? // Journal of Democracy. 2015. No 26 (1).

²⁰ Grindle M. S. Good Enough Governance: Poverty Reduction and Reform in Developing Countries // Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions. 2004. No 17 (4); Andrews M. Good Governance Means Different Things in Different Countries // Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions. 2010. No 23 (1); North D. C., Wallis J. J., Webb S. B., Weingast B. R. Limited Access Orders: Rethinking the Problems of Development and Violence // Policy Research Working Paper 4359. 2011. URL: http://econweb.umd.edu/~wallis/MyPapers/Limited_Access_Orders_in_the_Developing_World-WPS4359.pdf; Evans M. Beyond the Integrity Paradox — Towards 'Good Enough' Governance? // Policy Studies. 2012. No 33 (1). P. 97–113; Is Good Governance Good for Development? / Jomo Kwame Sundaram, and Anis Chodhury (eds). L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2012.

²¹ Вместе с тем необходимо признать, что само наличие этой зависимости ничего не говорит о направлении причинности: существующие в настоящее время исследования не позволяют сделать вывод о том, влияют ли характеристики режима на качество институтов управления, или наоборот (и даже есть некая «третья причина», о которой мы не знаем).

²² См.: Мельвилль А., Стукал Д., Мироных М. «Царь горы», или Почему в посткоммунистических автократиях плохие институты // Полис. 2013. № 2; Melville A., Stukal D., Mironyuk M. "King of the Mountain", or Why Postcommunist Autocracies Have Bad Institutions" // Russian Politics and Law. 2014. No 53 (2); Melville A., Mironyuk M. "Bad Enough Governance": State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies. Post-Soviet Affairs (published online 19 June 2015).

²³ Hellman J. S. Winners Take All. The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // World Politics. 1998. No 50 (2).

²⁴ Варианты стратегий автократа в условиях экономического спада представляют собой пока что слабо разработанное, но крайне важное и перспективное поле для сравнительных исследований. См., в частности: Tanneberg D., Stefes C., Merkel W. Hard Times and Regime Failure: Autocratic Responses to Economic Downturns // Contemporary Politics. 2013. No 19 (1).

²⁵ Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

²⁶ O'Donnell G., Schmitter Ph. C. Transitions From Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

²⁷ Аналогичный подход успешно использует Дж. Браунли в своем анализе факторов и условий выживания современных неопатримониальных режимов. См.: Brownlee J. 'And Yet They Persist': Explaining Survival and Transition in Neopatrimonial Regimes // Studies in Comparative International Development. 2002. No 37 (3).

²⁸ Некоторые недавние примеры подобного развития событий приводятся в: Bunce V., Wolchik Sh. Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

4.4. Институциональные модели организации власти в полиэтничных обществах: варианты, проблемы и решения

Подавляющее большинство современных государств представляют собой полиэтничные полинии. По статистике лишь около 20 стран относятся к категории этнически гомогенных, когда одна этническая группа составляет более 95% населения¹. При этом полиэтничность сама по себе, разумеется, совсем не обязательно требует трансформации институционального дизайна государственной власти. Более того, в идеальном-типическом «национальном государстве» (*nation-state*), где доминирующее значение имеет национальная гражданская идентичность, этничность² выводится за рамки политики в частную сферу, и в политике члены этнической группы ведут себя как граждане. Эмпирическая реальность, конечно, всегда отклоняется от идеальном-типических конструкций, хотя следует заметить, что в истории есть немало примеров, довольно сильно приближающихся к идеальном-типической модели. Достаточно назвать американскую концепцию и практику «плавиального котла» или французскую «якобинскую» концепцию гражданства. Тем не менее в большинстве случаев отклонения от идеального типа *nation-states* были достаточно существенными, а в настоящее время есть все основания полагать, что политическое значение этничности, ее «проникновение в политику» возрастает³.

По всей видимости, именно этим объясняется тот факт, что и в российской, и зарубежной политической науке этнополитические

му человек — в той мере, в какой он является субъектом потенциала, то есть в той мере, в какой он может действовать или бездействовать, действовать удачно или неудачно, теряться или находиться, — является единственным существом, в чьей жизни всегда присутствует счастье, чья жизнь неизлечимо и болезненно привязана к счастью. Но это констатирует форму-жизни непосредственно как политическую жизнь».

Сведения об авторах

Айвазова Светлана Григорьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительных политических исследований Института социологии РАН, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, член научного совета РАН, руководитель исследовательского комитета РАН по гендерной политологии.

Ахременко Андрей Сергеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий лабораторией качественных и количественных методов анализа политических режимов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Гришин Николай Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета.

Завершинский Константин Федорович, доктор политических наук, профессор кафедры теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета.

Ильин Михаил Васильевич, доктор политических наук, профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, член правления, редакционно-издательского совета и совета по международному сотрудничеству РАН, почетный президент РАН, лауреат медали РАН им. Г. Х. Шахназарова.

Комаровский Владимир Савельевич, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Заслуженный деятель науки РФ, член научного совета РАН.

Кочетков Александр Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры российской политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, вице-президент РАН.

Красин Юрий Андреевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела анализа социально-политических процессов Института социологии РАН, лауреат медали РАН им. Г. Х. Шахназарова.

Малинова Ольга Юрьевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор НИУ ВШЭ, профессор МГИМО МИД России, почетный президент РАН, со-координатор исследовательского комитета РАН по изучению идей и идеологий в публичной сфере.

Мельвилл Андрей Юрьевич, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных наук, руководитель департамента политической науки НИУ ВШЭ, вице-президент РАН, Заслуженный деятель науки РФ.

* Агамбен Дж. Средства без цели. Заметки о политике. М.: Гидея, 2015. С. 14.

Научное издание

Серия «Российская политическая наука:
Истоки и перспективы»

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
Идеи, концепции, методы .

Подписано к печати 12.08.2015. Формат 60×90^{1/16}
Усл. печ. л. 23,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 6639

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»
111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8.
E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.
Тел.: 8(495) 306-78-01, 306-83-71

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8(499)270-73-59

ISBN 978-5-7567-0814-1

9 785756 708141